

Проф. Н. А. Машкин

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ РИМСКОЙ АФРИКИ

Для понимания истории Римской империи первостепенное значение имеет изучение римских провинций, и не только как составных частей «римского мира», но и с целью выяснить своеобразие развития каждой провинции в отдельности. Без этого непонятным остается, как и почему та или иная провинция в определенный период приобретала особое значение или, напротив, приходила в упадок. Такой расцвет и упадок переживали в то или иное время все провинции. Например, во вторую половину I в. — Цизальпинская Галлия, во II в. — галльские провинции, в конце II и в первые десятилетия III в. — Африка находятся на наивысшей точке своего расцвета, затем наступает упадок.

Понять общий упадок Римской империи можно, только изучив, по возможности, причины, вызывавшие эти явления, и самый ход их развития.

Расцвет любой провинции сопровождался обычно расцветом городской жизни, отраженным в росте числа надписей из ее городов. Надписи свидетельствуют об интенсивной деятельности городских магистратов, об активности сословия декурионов, т. е. городской аристократии, об украшении городов за счет последней, об устройстве празднеств, игр, угощений для городского плебса, об оживлении деятельности ремесленных, религиозных и других коллегий и т. п. Упадок провинции, напротив, сопровождается упадком муниципальной жизни. Это и понятно, поскольку античная форма государственности, в противоположность феодальной, исходила из города и господства города над деревней. Романизация прежде всего сказывалась в насаждении и упрочении городов. Их упадок свидетельствует о возникновении, хотя бы в зародыше, новых общественных форм. Поэтому изучение истории провинции вполне закономерно начинать с изучения истории ее городов.

С этой точки зрения Африка является одной из интереснейших провинций Римской империи. Большое количество как крупных, так и мелких городов разнообразных типов дает возможность проследить развитие большинства муниципальных институтов.

Настоящая статья представляет собой часть большой работы, посвященной истории Римской Африки, поэтому здесь мы ограничимся рассмотрением только одного вопроса — вопроса о политическом строе африканских городов в период империи.

При изучении развития экономики, управления, социальной структуры той или иной римской провинции одной из центральных задач является вскрытие сущности того процесса, который называется обычно романизацией. Процесс этот сказался и в распространении городской жизни, и в оккупации земель под частные владения. Производной этих явлений

является распространение латинского языка, образованности и форм римского быта. Недостатком существующих исследований является то, что явления городской жизни изучаются изолированно от истории аграрных отношений. Между тем на африканском материале можно поставить вопрос о взаимоотношении города и деревни в римскую эпоху. Город с примыкавшей к нему территорией, поместье, пользующееся quasi-муниципальными правами, полусвободные племена, управляющиеся романизированными *principes*, — таковы основные административные «единицы» внутри африканских провинций.

Учитывая состояние источников, мы считаем возможным в первую очередь исследовать городской строй Африки, поставить вопрос о типах городских поселений: *civitates* различных категорий, *municipia*, *colonia*. Эти понятия следует брать не как раз навсегда данные, а в их развитии. В этой связи встает перед нами один из важнейших вопросов романизации Африки — постепенное исчезновение *civitates liberae* и замена их двумя типами поселений: колониями и муниципиями. Особое внимание привлекает переходная стадия — появление городов «двойной организации»: *civitas libera* и *colonia civium Romanorum* существуют в пределах одной городской территории. Сюда же примыкает и вопрос о городском управлении. К сожалению, мы не располагаем ни одним африканским городским уставом. В Африке не сохранилось документов, подобных *lex coloniae Juliae Genetivae*, *lex Salpensa* или *lex Malacitana*; нет в нашем распоряжении и значительных постановлений советов декурионов. Нам известен лишь один (и то неполный) протокол муниципального совета из *Henchir-Snabbeur* касательно пограв, допущенных рабами-пастухами¹, и одно постановление совета Сальсы в честь префекта Сульпиция Феликса². В остальных случаях это лишь краткие упоминания о том, что тот или иной памятник воздвигнут *decreto decurionum*.

Зато мы располагаем обширным материалом, в котором, в той или иной связи, упоминаются городские магистраты. Задача исследователя — восстановить на его основе различные этапы римской муниципальной политики. Надлежит исследовать вопрос о трех городских институтах: городских патронах, фламيناх и городских кураторах. Институт городских патронов возник в республиканскую эпоху как отражение могущества отдельных нобилей. Для эпохи империи характерна деградация патроната, превращение его в лишнюю всякого значения почетную должность, на которую избираются лица далеко не высокого ранга. Фламинат представляет собой учреждение, благодаря которому распространяется культ императоров. История города есть в то же самое время история падения городской автономии: использование всех африканских материалов должно помочь нам охарактеризовать упадок городской жизни — один из важных симптомов падения античного мира.

Обращаясь к характеристике и истории городского управления в Африке, следует прежде всего поставить вопрос о происхождении городов. К первой группе городов относятся города, возникшие еще в пуническую эпоху. До римского завоевания эти города обычно имели значительное население и представляли собою самоуправляющуюся единицу Карфагенской державы. После завоевания некоторые из них сохранили самоуправление на правах *civitas libera* или иных условиях. Таковы многие города проконсульской Африки, как, например, *Nadrumetum* или *Leptis Magna*. Ко второй группе относятся города областей Нумидии, бывшие резиденциями местных правителей, которые после завоевания сохранили

¹ F. E. Abbott and A. C. Johnson, *Municipal Administration of the Roman Empire*, Princeton, 1926, стр. 483 (№ 146).

² «Année épigraphique», 1931, №№ 36—38.

свою власть на правах *principes*. *Principes* встречаются в Calama, Cirta и других городах. К третьей группе относятся такие города, которые возникли из укрепленных пунктов, созданных еще в доримскую эпоху (*castrum*) или же были созданы как укрепленные пункты уже римлянами; сюда же относятся поселения земледельцев и землевладельцев, возникшие на оккупированной территории. Так, на месте Верекунды было поселение (*vicus*), в числе жителей которого упоминаются *possessores*. К четвертой группе следует отнести лагерные города, возникшие из поселков близ лагерей (самый большой город такого типа — Lambaesis). Наконец, последнюю категорию составляют города, построенные по специальному распоряжению римского правительства. Цели в этом случае могли быть различны: Карфаген возникает как колония в буквальном смысле слова, но вместе с тем становится торговым и административным центром; *Thamugadi* строится, очевидно, как важный стратегический пункт и вместе с тем как центр обмена с кочевыми племенами. В Мавретании и Нумидии было основано много колоний ветеранов.

Развитие и рост городов происходят главным образом во II в. Эпиграфический материал свидетельствует о том, что к III в. Африка изобилует городами. Развалины *Thamugadi* показывают, что это были значительные по своим размерам поселения, жители которых могли сооружать здания, требующие больших затрат. Следует подчеркнуть, что в эпоху империи рост городов происходит главным образом внутри материка.

Основным источником для исследования городского строя Римской Африки служат надписи¹. Уже самый поверхностный обзор их приводит к заключению, что какие-либо выводы из этого материала возможны лишь при условии систематизации отдельных фрагментов, каждый из которых, взятый изолированно, дает очень мало. По сравнению с немногочисленными африканскими надписями, освещающими историю аграрных отношений и, в частности, вопрос о раннем колонате, городские надписи скудны по содержанию. Однако и то малое, что они дают, все же может быть использовано, и на основании этих данных можно если не разрешить ту или иную проблему, то, во всяком случае, ее формулировать. Так, в первую очередь на основании этих источников можно поставить вопрос о городском самоуправлении. Не предполагая давать систематической его истории, мы считаем возможным ограничиться лишь рассмотрением вопросов, связанных с возникновением и развитием некоторых институтов — тех, о которых имеется больше сведений и которые нуждаются, по нашему мнению, в дальнейшем освещении. Затем мы остановимся и на проблемах, связанных с социальным составом населения городов².

146 год до н. э. является переломным в истории африканского побережья Средиземного моря. Опасный для Рима враг был сломлен, город Карфаген сожжен, место, где этот город был расположен, сравнено с землей и проклято. Римляне приобрели колонию, которая должна была стать житницей нарождающейся великой державы. Одновременно с Карфагеном был разрушен целый ряд мелких городов, жители их были проданы в рабство, а территория вошла в состав *ager publicus*. Другие же города сохранили свою самостоятельность. Рядом с новым римским владением лежала Нумидия, царь которой Массинисса был союзником Рима во время Третьей Пунической войны. В награду за поддержку Рима он не только

¹ Надписи, происходящие из Африки, собраны в VIII томе *Corpus inscriptionum latinarum*, supplementa к нему, а также у R. Cagnat, *Inscriptions latines d'Afrique*, Paris, 1923; у M e r l i n, *Inscriptions latines de la Tunisie*, Paris, 1944 и в номерах «*Année épigraphique*» в приложении к «*Revue Archéologique*».

² Этому вопросу будет посвящена специальная статья.

сохранил свои владения, но и расширил их за счет государства Сифакса, стоявшего во время борьбы на стороне Карфагена. В дальнейшем происходит постепенное «освоение» римлянами африканской территории. В эпоху гражданских войн Африка не могла остаться в стороне, не осталось в стороне и Нумидийское царство, ставшее на сторону Помпея. В результате за битвой при Тапсе последовало уничтожение самостоятельности этого царства: Юба I был убит, а его сын в качестве пленника воспитывался в Риме. Нумидия сделалась римской провинцией и стала называться *Africa Nova*. В 44 г. окончательно восстанавливается город Карфаген¹, который снова приобретает значение крупного торгового центра, а вместе с тем и опорного пункта романизации.

После битвы при Акциуме происходят новые изменения: сын Юбы I Юба II получает обратно Нумидию, правда, не надолго, ибо Август предпочел эту провинцию сохранить в руках Рима, а Юбе II дать в управление Мавретанию, мало тогда известную и к тому же совсем не подчиненную страну. Нумидия была присоединена к Африке, вошедшей в состав сенатских провинций².

Полусамостоятельное существование Мавретании продолжалось не долго: сын Юбы Птолемей при Калигуле был вызван в Рим и умерщвлен по приказанию императора. Мавретания была присоединена к Риму и при Клавдии разделена на две императорские провинции: *Mauretania Caesariensis* (главный город *Caesarea*), *Mauretania Tingitana* (главный город *Tingis*).

40-е гг. нашей эры знаменуют окончательное закрепление за римлянами Северной Африки; правда, многие частые еще не были подчинены, предстояла еще длительная и в сущности никогда не прекращавшаяся борьба с кочевыми или полукочевыми племенами.

Административное деление Африки изменялось несколько раз. Отметим, что в правление Септимия Севера Нумидия была выделена в отдельную императорскую провинцию. Обе мавретанские провинции иногда, например, во времена Гальбы, Септимия Севера и Каракаллы, управлялись одним прокуратором. Значительные изменения в административном делении Северной Африки происходят при Диоклетиане: наряду с Нумидией и проконсульской Африкой создаются: *provincia Valeria Byzacena* (главный город *Hadrumentum*) и *Tripolitana* (главный город *Tasarae*). *Mauretania Tingitana* в IV в. вошла в состав испанского диоцеза.

Африка была пограничной провинцией, и вся ее история наполнена большими и малыми столкновениями с туземными племенами. Это не мешало, однако, развитию городов.

Среди населенных пунктов римских провинций Северной Африки встречаются *civitates* различных прав (*immunes, iuris peregrini* и пр.), муниципии и колонии. Наибольшее разнообразие типов городских самоуправлений находим мы в проконсульской провинции, где встречается большое число *civitates*. Последние значительно реже встречаются в Мавретании, а в Нумидии их нельзя насчитать более трех — четырех.

Civitates iuris peregrini отличаются тем, что некоторые черты их городского строя восходят к эпохе независимости Карфагена. Прочие черты отличия от колоний и муниципиев не могут быть установлены на основании надписей. По мнению Тутена³, в *civitates* магистраты вели дела

¹ Н. А. М а ш к и н, Принципат Августа, М. — Л., 1949, стр. 93.

² Там же, стр. 474—478.

³ J. T o u t a i n, Les citées romaines de la Tunisie, 1896, стр. 323.

под контролем проконсула; до эдикта Каракаллы жители этих городов не пользовались римским правом, а городская территория не была свободна от *stipendium*'а. По классификации того же исследователя, жители муниципиев обладали правами римского, реже — латинского, гражданства, городские учреждения соответствовали римскому образцу, деятельность магистратов протекала под контролем правителя провинции; однако городское право в принципе не было римским; что же касается колоний, то их граждане обладали римским правом, городское право было тоже римское, равно как учреждения, которые были освобождены от контроля провинциальной администрации; что же касается территории, то права, на которых города владели ею, были различны¹.

Эта классификация основана главным образом на изучении юридических источников, что же касается надписей, то на их основании можно лишь проследить известную закономерность в употреблении этих терминов: мы нигде не встретим беспорядочного пользования понятиями, обозначающими тип городского устройства. Кроме того, можно проследить, что *colonia* в любой период истории африканских городов по рангу стояла выше муниципия, так же как последний — выше *civitas*. И это различие сохраняет свою силу даже в IV в., а некоторые города добились как будто прав колонии лишь при Константине Великом.

Две надписи, найденные на месте мавретанского города Volubilis и не вошедшие еще в CIL², проливают некоторый свет и на специальные права городов различных типов. При императоре Клавдии Volubilis, очевидно, за помощь в войне против Эдемона, вольноотпущенника Птолемея, поднявшего против Рима восстание³, получил права муниципия и, кроме того: 1) *connubium cum peregrinis* (это значит, по всей вероятности, что дети, рождаемые от брака между гражданами и негражданами, считались римскими гражданами; 2) *immunitas annorum X* (освобождение от *portorium*'а на определенный срок). Кроме того, город получил права приписки *incolae*, и, наконец, некоторые специальные льготы, касающиеся имущества погибших на войне⁴.

За исключением этих двух надписей эпиграфический материал не дает нам указаний на различие между муниципиями и колониями. Однако для города то или иное название его не было безразлично. Тот же Volubilis, стремясь получить упомянутые права, посылает к Клавдию делегацию, во главе которой стоит префект вспомогательного отряда, действовавшего против Эдемона. В других городах по получении прав муниципия или колонии императору воздвигается памятник, а в посвящении он именуется, как *conditor municipii* или *coloniae*⁵.

Схема городских учреждений муниципиев и колоний общеизвестна: декурионы, составлявшие городской совет (называется обычно *ordo*); городские должностные лица: *duoviri*, *aediles*, *quaestores*, редко встречаются *quatuorviri*⁶; о распределении обязанностей между *quatuorviri* ничего не говорится, но, судя по аналогичным случаям, известным из надписей

¹ J. T o u t a i n, ук. соч., стр. 328—329, ср. М. Вебер, Аграрная история древнего мира, М., 1925, стр. 405; W. L i e b e n a m, Städteverwaltung im Römischen Kaiserreich, Leipzig, 1900, стр. 6.

² Они опубликованы у S a g n a t, ук. соч., Paris, 1923, № 623.

³ R. S a g n a t, L'armée Romaine d'Afrique, Paris, 1913, стр. 27.

⁴ Об этих надписях и их значении для истории распространения римского гражданства см. Н. А. М а ш к и н, Из истории римского гражданства, ИАН ОИФ, 1945, № 5, стр. 359—372.

⁵ См., например, CIL, VIII, 83, 799.

⁶ В городе Calama (CIL, 5292, 5368).

других провинций, можно заключить, что одни из них были *quatuorviri iure dicundo*, другие — *quatuorviri aediles*¹. Раз в пять лет *duoviri* наделялись властью, соответствующей власти римских цензоров, и назывались *duoviri quinquennales*. В Calama, где были *quatuorviri*, они также назывались *duoviri quinquennales*². Возможно, что в бытовом языке их называли цензорами: в одном из стихотворений мы встречаем выражение ... *sensor et ipse fui* (CIL, 11824). Устройство главного города Нумидии Цирты до некоторой степени отличалось от обычного: вначале там, как и в других местах, высшими должностями были *duoviri*, но уже при Траяне мы встречаем объединение в одну колонию Цирты и трех других городков: Ruscade, Milev и Chullu. Во главе городских магистратов стоят теперь *triumviri*, а к названиям прочих должностных лиц прибавляется: *quatuor coloniarum* (CIL, стр. 618).

Что касается *civitates iuris peregrini*, то у нас нет данных для характеристики их устройства в период, непосредственно следовавший за завоеванием Карфагена. Мы отметили выше, что *civitates* сохранились в проконсульской провинции. В Нумидии таким городом была — очевидно, недолгое время — Calama³, а в Мавретании — Volubilis (см. выше). Из особенностей городского устройства *civitates* отметим существование суфжетов, соответствовавших дуумвирам других городов. Является вопрос: означает ли существование суфжетов, что в том или ином городе существовало какое-то особенное устройство, не похожее на обычное римское, или же это есть лишь пуническое название дуумвиров, название, правда, характерное для городов, которые не пользовались римскими правами? Тутен считал, что «ни в одном из *civitates* не было как будто дуумвиров и эдилов» (ук. соч., 323). Эта осторожная формулировка превратилась в статье Wuilleumier о Волюбилисе в почти категорическое утверждение: «Ни одна надпись, без сомнения, не дает нам возможности утверждать, что в *civitates iuris peregrini* существовали эдилы»⁴. Подобное утверждение было бы возможно в том случае, если бы от городов той эпохи, когда они управлялись суфгетами, дошло значительное количество надписей. Между тем все 12 надписей, упоминающие суфжетов, являются в значительной мере случайными, все они относятся к разным городам и разным периодам. Кроме Leptis Magna, где встречается надпись, от которой сохранилось лишь AVG. ... (CIL, 7), и Surubis (CIL, 10525), *civitates*, управляющиеся суфгетами, находятся в удаленных от берега городах. Суфгеты упоминаются в посвящениях императорам (CIL, 765) и божествам (CIL, 5306, 797). Только ранняя из датированных надписей — надпись из Surubis, относящаяся к периоду от 60 до 44 г. до н. э., говорит об избрании патрона, а в числе заключающих договор упоминается суфжет. В надписи из нумидийского города Calama встречается упоминание *anno sufetatus* (CIL, 5306).

Суфжетов было обычно два (CIL, 5306 и 12286), и по их имени назывался год. Это подчеркивает, что карфагенское название было приспособлено к римской практике. Но аналогия не ограничивается только этим: высшее городское учреждение уже в самой ранней надписи носит название *sinatu* (CIL, 10525), в чем легко, конечно, распознать *senatus*. В других

¹ W. Liebenam, Städteverwaltung im Römischen Kaiserreich, 1900, стр. 255; J. Marguardt, Römische Staatsverwaltung, стр. 485.

² CIL, 5368: L. Fl. Papir. Rufino III vir. II vir. quinq. primo.

³ Там встречается упоминание о суфгетах (CIL, 5306).

⁴ «Revue des études anciennes», XXVIII (1926), № 4.

случаях суффеты упоминаются в весьма обычной для городских надписей формуле: d[ecretu] d[ecurionum] (CIL, 765), дающей возможность говорить о существовании декурионов. Суффеты, как и другие магистраты, вносили определенную сумму за «честь» быть избранными; так, один из них, Рогат, сын Дина, соорудил статую Антонину Пию за 800 сестерций, которые он pro honor[e] sufet[atus] deb[eat] (Аёр., 1946, № 234). Таким образом, кроме названия высших должностных лиц, ничего «неримского», отличного от римского не остается. Вполне возможно поэтому, что ниже суффетов стояли эдилы и квесторы; против этого возражают французские исследователи, однако мы видим подтверждение нашего мнения в надписи из Волюбилиса, где Марк Валерий, сын Бастара, называется эдилом, суффетом и затем дуумвиром. Этот Марк Валерий в середине 40-х гг. I в. был делегирован к императору Клавдию и выхлопотал для родного города те вольности, о которых мы выше говорили. До получения прав муниципия Волюбилис, представлявший собою основное карфагенянами поселение на западе Мавретании, был civitas. Очевидно, Марк Валерий — имя его отца выдает его пуническое происхождение — был избран эдилом, затем суффетом, а после получения Волюбилисом прав муниципия он же был избран дуумвиром. Это, по нашему мнению, единственно возможное истолкование надписи.

Последние по времени надписи, упоминающие суффетов, составлены при Антонине Пии (CIL, 11193 и 12286). Суффеты были не во всех civitates. В некоторых городах этого типа существовала, возможно, и обычная иерархия. Иногда права муниципия были даны только во II в., и отнести все недатированные надписи к этому периоду нет оснований. В Gora встречается magistratus annualis, управляющий вместе с ordo. Возможно, что это поселение было civitas stipendiarium, а таковое не составляло «республики»¹, во всяком случае это не был, очевидно, полноправный civitas, и по управлению он походил на некоторые pagi или vici, которые, независимо от того города, к которому они были приписаны, имели ordo и магистрата (ср. Agbia, Verescunda и др.).

Таким образом, civitates уже в раннюю эпоху своего существования потеряли специфические черты карфагенских общин, сохранив лишь одно название, приспособленное для обозначения должности, по существу своему римской². Наконец, самое слово sufetes не всегда обозначает, что этот город был civitas iuris peregrini. На одной из карфагенских монет римского времени обозначено: Aristo Muthumabi[is] Ricoce sufetes]³, между тем Карфаген всегда был колонией. В пуническом языке это слово сохранилось вплоть до V в. В качестве момента переходного от старого типа управления к новому следует обратить внимание на существование городов двойного типа: civitas iuris peregrini и колонии. В одних случаях это «раздвоение» — результат исторического развития: conventus civium Romanorum получает права колонии. В других же случаях двойное устройство появляется с момента возникновения города. Так было в Карфагене. Старые исследователи предполагали,

¹ В надписи из Gurza мы читаем: senatus populusque civitatum stipendiarium pago Gurzenses (CIL, 68), т. е. несколько civitates stipendiarium входили в один pagus и только вместе составляли respublica.

² Мы не останавливаемся на разборе надписей, упоминающих principes и undecemprimi, ибо за их случайностью мы не можем более или менее точно очертить характер этих институтов; кроме того, они принадлежали, видимо, не к должностным лицам муниципиев, а относились к управлению различными берберийскими gentes.

³ K u h n, Die städtische und bürgerliche Verwaltung des römischen Reichs, II, стр. 446.

что в карфагенской колонии вместо дуумвиров были суффеты, но недавние исследования обнаружили систему двойного устройства городов. Подобное явление встречается в городах Clupea, Carpis, Hippo Diarrhytus, Hadrumetum, Thysdrus, Thubursica и Thuburbo Maius.

Как на особое отличие развития африканских городов указывают на то, что в сравнительно поздних надписях упоминается *populus*. Однако у нас нет данных, которые говорили бы о том, что *populus* играл здесь такую же роль, как в первый век империи. К I в. относятся надписи, говорящие, что *senatus populusque* избирают патрона (CIL, 68 и 69). Что касается последних веков, *populus, municipes, coloni* возводят памятники (CIL, 1636), обращаются с просьбой к императору (CIL, 18587), участвуют в обедах (*epula*)¹, даваемых избранным чиновникам, и т. д. *Populus* не сошел совершенно со сцены, *de iure* он не терял прав в силу условий, о которых мы будем говорить ниже, но говорить о том, что в некоторых местах *populus* сохранил все прежние права, нет никаких оснований. Таким образом, в общем строе африканских городов мы видим лишь три особенности: наличие суффетов в *civitates*, наличие городов «двойного типа» и существование *populus* в поздний сравнительно период империи. Но это все не дает еще оснований выделять историю главных африканских городских учреждений из общего контекста городской истории Римской империи. После этих замечаний мы считаем возможным перейти к рассмотрению истории некоторых институтов, стоящих в стороне от основных учреждений, но имевших влияние на городской строй: патроната, фламмината и института *curatores rerum publicarum*.

Нам кажется, что следует различать две стадии в истории африканского городского патроната. В раннюю эпоху (примерно до конца I в.) городской патронат аналогичен патронату обычному: в это время отношения между патроном и городом зиждутся на тех же принципах, что и отношения между патроном и его клиентом. Характерна надпись из Gurza, датированная 65 г. нашей эры: *Civitas Gurzensis ex Africa hospitium fecit cum [Q]. Aufustio, C. f. Gal. Macrino praef[ecto] fabr[um] eumque liberos posterisque eius sibi liberis posterisque suis patronum cooptarunt. C. Aufustius C. f. Gal. Macrinus praef[ectus] fabr[um] Gurzensi[s] ex Africa ipsos liberos posterisque eorum in fidem clientellamque suam suorumque recepit. Egerunt legati Herennius Maximus Rustici f[ilius] Sempronius Quartus Iafis (filius) (CIL, 69). Praefectus fabrum был, по всей вероятности, доверенным лицом правителя провинций². За 80 лет до того *senatus populusque civitatum stipendiariorum pago Gurzenses hospitium fecerunt quom L. Domitio Cn. f. L. n. Ahenobarbo proco[n]sule* (CIL, 68). Возможно, что избрание Домиция Агенобарба отразилось на судьбе города, ибо в ранней надписи упоминаются *civitates stipendiariorum pago Gurzenses*, составлявшие одну общину (ср. CIL, стр. 17), а в более поздней Gurza — *civitas*. Что подобные формулы не были особенностью только данной территории, а были употребляемы в эпоху конца республики и при первых императорах, показывают две аналогичные по содержанию надписи, относящиеся к отдельным от Gurza районам. Одна из них — из расположенной в проконсульской Африке колонии Curubis (CIL, 10525) — относится к 40 гг. до н. э., другая, составленная во времена Нерона, т. е. близкая к первой из цитированных выше надписей, найдена на месте колонии Turusuctu (в Мавретании) (CIL, 8837). Надпись указывает, что*

¹ См. ниже о куриях.

² R. Cagnat, *L'armée Romaine...*, стр. 87.

Q. Julius Q. f. Qui. Secundus legatus pro praetore hospitium fecit cum decurionibus et colonis colonia[e] Iulia[e]... Tupusuctu... sibi liberis posterisque suis eosque patrocínio suo tuendos...

Патронат встречается во многих городах африканских провинций, но почти все надписи, упоминающие патрона, относятся к более поздней эпохе, чем вышеприведенные. Самая ранняя из этих надписей датирована 121 г. (CIL, 17844). В этих надписях мы не найдем выражений «fides», «clientella», «patrocínium». Исключением является только недавно опубликованная надпись из Баназы в Мавретании Тингитанской от 162 г.: Q. Junio Rustico II L. Titio Plautio Aquilino II cos. kal. Februarii Aurelii Banasitani ex decreto splendidissimi ordinis Q. Claudium Ferozem Q. filium Aeronium Montanum patronum sibi liberisque ac posteris suis cooptaverunt. Q. Claudius Ferox Q. fil. Aeronius Montanus id patrocínium in se recepit. Egerunt legati M. Domitius Tingitanus II vir, Saex. Saen. Caecilianus, L. Flavius Saturninus, Dec. Iuvent. Saturninus, Q. Iulius Martialis (Аэр., 1949, № 115). Возможно, что города Мавретании Тингитанской, развивавшейся и романизовавшейся медленнее, чем другие африканские провинции, находились в середине II в. в таком же положении, как города проконсульской Африки, Нумидии и Мавретании Цезарейской на 100 лет раньше. Повидимому, судя по наименованию жителей города Аврелиями, Баназа получила какие-то привилегии от Марка Аврелия, и, может быть, с этим связано появление этой патронатной таблицы. В других частях Африки патронат фигурирует как почетная должность, дающая право участия в *ordo (albus)* из Thamugadi (перечисляет 13 патронов, CIL, 2403), обязывающая избранного жертвовать иногда весьма значительные суммы на городские нужды, зрелища или же просто угощения. Город, однако, не связан каким-либо договором, он не обещает какой-либо верности. Формулы, сопровождающие избрание в патронат, резко отличаются от тех, какие были в ходу в I в. Обычными выражениями в посвящениях II и III вв. являются: «patrono dignissimo» или «patrono optimo et carissimo» и пр. (например, CIL, 9367 и 17907). Избрание патрона для муниципия не было безразличным и бескорыстным. Несмотря на запрещение избирать патронами носителей *impregium*'а, мы наблюдаем повсеместное нарушение этого принципа. Большинство патронов африканских муниципиев являются высшими администраторами провинций, лицами, занимавшими крупные должности в войсках, квартировавших в Африке, различными императорскими чиновниками и т. д. Уже в 15 г. до н. э. патроном Gurza становится проконсул Domitius Ahenobarbus (CIL, 68); в Turris Tamaleni найдена надпись, посвященная проконсулу Sex. Cosseio Vibiano (CIL, 84), в Capsa во времена Адриана (надпись относится к периоду 119—138 гг.) патроном был также проконсул Африки (CIL, 98).

Во многих нумидийских городах патроном является *legatus pro praetore provinciae Africae*. К этому легату, как известно, переходит командование вооруженными силами Африки, а Нумидия, как наименее замиренная часть проконсульской провинции, становится его резиденцией². И вот, очевидно, чтобы получить расположение этого легата, его избирают в патроны города. В Thamugadi, например, *legatus pro praetore* фигурирует как патрон на протяжении целого столетия. Сохранились соответствующие надписи от 123, 126, 141, 144, 149, 152, 158, 174 гг.,

¹ Надпись из Capsa (CIL, 1548) гласит: Cincius C. f. Arn. Victor .... ex consensu decurionum omnium iam pridem patronus factus esset.

² R. S a g n a t, L'armée Romaine., стр. 115.

надпись, составленная между 196 и 201 г., и наконец, надпись, датированная 222—235 гг.¹ В данном случае есть основание предполагать, что избрание патроном определенного должностного лица вошло в традицию. В качестве патронов фигурируют также различные *procuratores* (CIL, 8934), *procuratores annonae* (CIL, 1439) и пр. В Мавретании патроном бывал нередко *praeses provinciae*.

Городскими патронами избирались не только должностные лица. Встречаются надписи, указывающие, что патрон не несет каких-либо иных функций. В некоторых случаях общий контекст давал повод перечислить все титулы (например, в надписи из *Julia Circa Nona*, где говорится о торжествах, устроенных вновь патроном (CIL, 1548). В *Auzia patronus coloniae*, не несущий также каких-либо иных функций, живет в том же городе вместе с семьей (CIL, 9048). В обоих этих случаях и многих других, им аналогичным, *patronus* является городским жителем.

К концу II в. и в III в., повидимому, не существовало особых ограничений в выборе патрона. Правда, о выборах патронов из лиц не сенаторского и не всаднического сословия мы ничего не можем сказать. В большинстве случаев мы встречаем указания, что патрон был *clarissimus vir* или *clarissimus filius*, *vir egregius* и т. п. Отметим случаи, когда патрон не достиг еще, очевидно, возраста, дающего право участия в муниципальном управлении, а избирается ради заслуг отца и, очевидно, тех взносов, которыми избрание сопровождается. В том же *Thamugadi*, например, найдено посвящение *clarissimo p[ro]uero ... flaminis per[petui]... filio... patrono* (CIL, 17911)². Нередки случаи избрания в патроны лиц императорской фамилии: встречаются, например, посвящения, называющие патроном сестру Септимия Севера.

Развившись из отношений, построенных по аналогии с личными отношениями между патроном и клиентом, представляя когда-то реальную связь, дающую, с одной стороны, защиту от несправедливостей Рима, а с другой — увеличивающую социальную силу известной группы или лица, в эпоху империи патронат сделался почетным званием, предоставляемым в различных целях лицам всаднического и сенаторского сословия. Патрон теряет прежнее политическое значение, и если это не было крупное административное лицо провинции, то граница между ним и городскими магистратами постепенно стирается. Он получает место в *ordo* (в *albus* из *Thamugadi*, CIL, 2403, патроны занимают 13 мест) и как наиболее почетный его член оказывает влияние на ход городского управления. Мы сказали: «наиболее почетный», потому что патрон нередко носит титул фламينا, иногда он прошел все городские должности (*omnibus honoribus functus*), а в мавретанских городах он к тому же и *dispunctor* (см. ниже).

Если патроны встречаются во многих африканских городах, то трудно указать город, от которого сохранилось достаточное количество надписей, где бы не упоминался фламин. Магистраты в середине или в конце своей карьеры, избирались пожизненными флами́нами — *flamines perpetui*, т. е. официальными жрецами имперской религии. В течение года они от имени их города (*civitas*), муниципия или колонии совершали торжественные жертвоприношения на алтарях Рима и Августа, до конца жизни носили титул пожизненного фламينا и пользовались особыми при-

¹ CIL, 2357; 17845; 17849; 17851; 17852; 17855; 17858; 17869; 17870 и 2392.

² Ср. аналогичную надпись из *Phoradi Mains*, где одним из патронов является не преподаватель латинской декламации с жалованием в 300 тысяч сестерций, а его сын, обозначенный как *puer*, Merlin, ук. соч., стр. 250.

вилегиями (Toutain, ук. соч., стр. 256). Нам кажется, что в литературе еще недостаточно выяснено, без сомнения, исключительное политическое значение этого института. Фламины заседают в городском сенате, их собрание сопровождается такими же торжествами, как избрание патронов и обычных магистратов города. Только одна надпись, не раз упоминавшаяся, — посвящение из Volubilis, — называет год учреждения фламината. Тот же самый Марк Валерий из Волюбилиса, относительно которого нам приходилось говорить, был первым фламинном в своем муниципии. Прочие надписи не дают нам возможности указать время появления этого института в том или ином городе и наметить этапы его развития. Во всяком случае к началу II в. фламинат сложился в прочный и весьма распространенный институт. Несомненно, он развивался при покровительстве центральной власти. Об этом говорят галльские надписи. Подобно Галлии Африка также имела свои провинциальные собрания. Деятельность последних была, по всей вероятности, аналогична подобным же собраниям в Галлии. Сведения об этих собраниях незначительны, и роль их трудно определить, она была безусловно переоценена Фюстель де Куланжем, который видел в них своеобразную систему народного представительства («нечто в роде национального собрания страны»)¹.

Не приходится сомневаться в том, что фламины играли в городе значительную роль, так же как и в том, что они способствовали укреплению императорского и имперского культа, а вместе с тем и соответствующих по отношению к империи настроений. Передки, например, надписи, свидетельствующие о том, что алтарь или храм, посвященный *Caelestibus Augustis...* [ob] *conservationem domus suae fecit flamen perpetuus*. Обратим внимание на выражение *ob conservationem domus suae*. Оно безусловно характерно для настроений фламината, для которого почитание цезарей и выполнение обязанностей, связанных с их культом, было не только пустой формальностью и почетной должностью.

Относительно состава фламината нельзя сказать ничего определенного. Среди фламинов, как было указано, встречаются лица, которые успели уже побывать на всех общественных должностях — *omnibus honoribus functus* встречается часто наряду с упоминанием о том, что данное лицо есть *flamen perpetuus*. Иногда *flamen perpetuus* есть в то же время и *дуумвир* (CIL, 20651). В другом случае надпись отмечает, что *flamen perpetuus* таким-то способом ознаменовал свое избрание в эдилы.

Сословная принадлежность фламинов также различна. Интересно отметить одну надпись из Thibilis: о фламинне, искусном ораторе, искусенном в сочинении идиллий и прочих видов поэтических произведений, питавшем к тому же отменную любовь к родине и никого не обижавшем, говорится: *clarissimorum vir[orum] et equi[tum] R[omanorum] propinquus* (CIL, 18864). Титул высшего сословия остался недоступным талантливому фламину, и, вероятно, в утешение ему самому или же его семье пришлось приравнять его к высшим сословиям, считаясь с отменными его моральными качествами и иными способностями.

Относительно социального положения фламинов можно сказать, что они принадлежали к «верхушке» муниципальной аристократии. Кроме магистратов, о чем пришлось уже говорить, мы встречаем и ветеранов (CIL, 18214) и *advocatus* (очевидно, *rei publicae municipii*, CIL, 18227) и крупного посессора (так как о нем говорится, что он, будучи фламинном, произвел постройки в своих имениях). Об пмушествен-

¹ Фюстель де Куланж, История общественного строя древней Франции, I, стр. 266 сл.

ном положении фламинов говорят надписи, указывающие суммы денег, израсходованных на торжества по случаю их избрания: во многих случаях эти суммы в несколько раз превышают соответствующие расходы магистратов.

Мы отметили выше совмещение обязанностей фламина и патрона. По надписям трудно установить, всегда ли для избираемого было желательно такое совмещение, но для муниципия оно было, конечно, небезвыгодно. Очевидно, и тот и другой институт не были лишь почетным званием, лишенным значения. Предоставление патронам и фламинам видных мест в *ordo* указывает на рост их влияния.

Вопрос о *curatores rerum publicarum* нуждается, по нашему мнению, в особом рассмотрении. Тутеном было отмечено, что африканские надписи (а им исследованы были все надписи проконсульской Африки) не подтверждают традиционной схемы, по которой появление *curatores rei publicae* было связано с умалением прав выборных городских учреждений. Не вводя отличных от традиционной схемы указаний относительно роли и функций *curator*'а, не исследуя вопроса о том, какие стадии развития претерпел этот институт, Тутен подчеркивает лишь, что *curatores* появились в Римской Африке в сравнительно поздний период римской истории (ук. соч., стр. 356 и 399).

Наиболее отчетливое выражение традиционной схемы представлений, связанных с появлением *curatores rerum publicarum*, находим мы у Марквардта: «С начала второго столетия городское самоуправление в Италии и провинциях начинает разлагаться, и правительство было вынуждено подчинить городское самоуправление своему контролю. *Quinquennales*, которые до того были самыми высшими должностными лицами, ограничиваются в их правах». Сначала, по мере надобности, в отдельные города назначаются *curatores*. Должность эта с течением времени становится постоянной, и, наконец, к куратору переходят функции *quinquennales*. В то время как должность *quinquennalis* была коллегиальной, а также выборной, *curator* является чиновником и решает дела единолично, он не является гражданином того муниципия, где протекает его деятельность. Он выше городских магистратов. Так продолжается до времен Северов, когда *curator* становится обычным городским магистратом, избираемым декурионами (Marquardt, ук. соч., стр. 487).

В статье, посвященной специально вопросу о *curatores rei publicae*, Либенам смягчает формулировку Марквардта¹, говоря, что учреждению института *curatores rei publicae* предшествовало назначение специальных чиновников для ревизии городских касс. Указывается, что первоначально *curatores* были назначены лишь в некоторые города. Первые *curatores* появляются во времена Траяна, в правление Антонина Пия число их возрастает, они появляются во многих городах. У Либенама мы не находим таких же, как у Марквардта, определенных заключений, что назначение *curatores* означало какое-то внезапное вмешательство центральной власти в дела местного самоуправления. В основном, однако, Либенам стоит на прежней точке зрения. Что касается местных особенностей, они у Либенама отмечены мимоходом, и объяснений их не дано.

Несколько особо стоит взгляд Фюстель де Куланжа: «Кураторы, — по его словам, — не были учреждены с целью захватить города в руки верховной власти... исторические памятники изучаемых трех веков не заключают в себе никаких признаков серьезного столкновения между муниципальным строем и центральной властью. Разбирая галльские надписи, Фюстель де Куланж подчеркивает, что «куратор не должен причис-

¹ «Philologus», LVI, стр. 290 сл.

ляться к настоящим государственным чиновникам... В Галлии при назначении кураторов, как кажется, просто повиновались принципу выбирать для этой цели наиболее опытного и достойного человека из соседней общины» (ук. соч., стр. 330 сл.).

Тутен, судя по общей концепции его книги, находился под влиянием Фюстель де Куланжа. Мы уже отметили выше, что анализ надписей, упоминающих *curatores rei publicae* и относящихся к проконсульской Африке, приводит его к заключению, что традиционная схема вряд ли может быть распространена на все провинции, в частности, на Африку. Самая ранняя из датированных надписей, говорящая о кураторе, относится к 198 г. В III в. упоминания о *curatores* довольно редки. Число их возрастает только во времена Диоклетиана. Тутен отрицает факт постоянного и непосредственного вмешательства императоров в дела, касающиеся муниципального управления. Случаи вмешательства, по его мнению, являются исключениями, лишь подтверждающими общее правило (ук. соч., стр. 358 сл.).

Если сторонники традиционного взгляда повинны в излишнем схематизме, если для них все случаи, когда в том или ином месте находятся сведения, противоречащие их концепции, являются лишь досадным исключением или курьезами, которые следует упомянуть, но не следует долго на них останавливаться, то у Тутена решающим является *argumentum ex silentio*. Если ценность такого способа доказательств вообще сомнительна, то в отношении надписей им следует пользоваться с наибольшей осторожностью. Кроме того, Тутен анализирует лишь датированные надписи и о нескольких почему-то говорит, что они относятся к концу III в., без указания каких-либо объективных признаков, устраняющих сомнения. Кроме этого, Тутен оставляет в стороне то соображение, что *curatores* эпохи III в. во многом отличны от своих предшественников эпохи Антонинов. Наконец, разбора самих надписей у Тутена не дано.

Обращаясь к надписям, мы должны прежде всего установить, что первоначально *curator rei publicae* был чиновником, назначенным императором. Вот карьера лица, сенаторского звания, который в 80-х гг. II в. занимал должность *curator viarum* (CIL, 7030): он был *iuridicus* одного из округов Транспаданской Галлии, затем *curator civitatum per Aemiliam*, квестором и эдлом в Риме, трибуном одного из легионов, квартировавшего в Скифии, и, наконец, получил должность *curator viarum* в Нумидии. Другой в той же провинции был *praefectus aerarii*¹, до этого он был *curator coloniae Ardeatinorum*. Указывается, что таковым он был назначен императором Антонином. Мы берем лишь датированные надписи. Они дают нам возможность заключить, что в эпоху Антонинов *curator rei publicae* назначался императором. С этого поста начиналась иногда карьера молодых сенаторов. Пребывание в том или ином городе — судя по тому, что данное лицо успело побывать еще на нескольких постах, — было, очевидно, непродолжительным, вероятно, годичным. Возможно, что должность эта не была постоянной в городе, а временной, число *curatores* было, вероятно, незначительно, ибо в довольно частых перечислениях должностей, которые проходил тот или иной сенатор, *curator* встречается довольно редко. Наконец, если принять во внимание сравнительно высокое положение, которое занимали кураторы, и то, что они обычно принадлежали к сенаторской фамилии (хотя бы новой), то вряд ли можно предположить, чтобы у правительства в то время мог быть такой «штат чиновников», которых бы можно было разослать хотя бы по всем значи-

¹ CIL, 7044; ср. 7049, 8207, 2754.

тельными городам империи. В некоторых случаях обязанности, аналогичные обязанностям *curator'a rei publicae*, нес специально назначенный легат, которому поручался контроль над городскими финансами: в городах той или иной провинции. В одном из посвящений упомянуто: *legato divi Hadriani ad rationis civitatum Syriae* (CIL, 7059).

Такова первая стадия развития этого института. Относительно того, назначались ли в то время *curatores* в Африку, определенных заключений сделать нельзя. *Curator* был временным чиновником. Он не был связан с городом, так что результат его деятельности за короткий срок его работы не мог быть запечатлен в специальном посвящении. Он не был удостоен чести иметь свою стацию на городском форуме. Не исключена, конечно, возможность, что часто в провинции Северной Африки *curatores* в это время совсем не назначались.

Здесь надо особенно отметить длинную надпись от 144 г. из города Сальсы в Мавретании Тингитанской, опубликованную в 1931 г. (Aér., 1931, № 36 и 38); она посвящена уроженцу Рима М. Сульпицию Феликсу, префекту II Германской когорты, трибуну XVI Флавиева легиона, трибуну III Ульпиевой когорты жителей Петры, префекту II алы сирийцев — римских граждан. Посвящают надпись его друзья (*amici*), называющие его «патроном и освободителем». Они же приводят декрет декурионов Сальсы, составленный по случаю назначения Сульпиция Феликсу преемника. Декрет определяет подходящие случаю выражения благодарности и почести, утвердить которые должен *praeses* провинции Утедий Гонорат. Как особые заслуги Сульпиция Феликса декрет отмечает то, что он охранял и укреплял город, заботился о безопасности работавших в полях и лесу, помогал гражданам из военных запасов продовольствия и, наконец, умеренно и справедливо разбирался в финансовых затруднениях города. Функции Сульпиция Феликса соответствовали функциям *curator'a rei publicae*, и сами жители Сальсы их так и понимали, поскольку они благодарят его *ob curatam pulchre[em] r[epublicam]*. Возможно, что здесь префект военной части играл такую же роль, как военные командиры-префекты и кураторы отдельных *gentes* и *civitates* в африканских и дунайских провинциях.

Мы допускаем, что систематическое назначение кураторов в африканские города восходит к эпохе Септимия Севера. К этой эпохе относится большое количество городских сооружений, и вполне естественно, что все это было связано с некоторым беспорядком в городских финансах. Но, очевидно, оттого, что в «общей имперском масштабе» эта должность стала очень распространенной, назначение происходит иным порядком. Так, 199 г. датирована надпись из Цирты, где *curator'ом rei publicae* называется *Saevinius Proculus, tribunus laticlavus* (CIL, 2437 и 17871). Как известно, *tribunus laticlavus* был одним из младших помощников легата и исполнял административные обязанности. Вероятно, что наряду с прочими обязанностями Севинию Прокулу было поручено наблюдение над городскими финансами. Трудно предположить, что это назначение исходило от императора.

Упоминание в той же надписи Аниция Фауста, легата Нумидии, к тому же патрона колонии, дает возможность предполагать, что с увеличением числа *curatores* назначение их (во всяком случае фактическое) переходит к наместникам провинций. *Curatores* вербуются из числа приближенных к наместнику лиц. Иногда же для этой цели брали декурионов других муниципиев. Об этом свидетельствует надпись из *Thamugadi*, представляющая собою посвящение *Flavio Jugurthae eq[ui]ti R[omano]... decurioni splendidissimae coloniae Carthaginiensium curator'i rei p[ublicae]* (CIL, 17909). Мотивы такого назначения вполне понятны.

Декурион другого города мог лучше разобраться в делах муниципия, чем присланный из центра чиновник. В этом случае обязанность куратора исполнялась в течение длительного периода. Флавий Югурта был пожизненным фламинном. В посвящении встречается выражение: *tantum diserto, quantum bono*. По нашему мнению, Фюстель де Куланж в своей оценке значения кураторов имеет в виду именно этот период, распространенный им на всю эпоху империи, начиная от Антонинов. Этот период связан также с усилением власти куратора. В этот момент начинает складываться представление, что *curator* выше *ordo*. Такое выражение, как упомянутое выше: *tantum diserto, quantum bono* или *ob insignem amittitiam* (CIL, 18218), находим мы только в посвящениях высокопоставленным патронам и правителям провинций.

Очертить хронологические рамки этого периода нет возможности. Его предел, по всей вероятности, конец III в. Во всяком случае надпись, относящаяся к периоду 294—305 гг., говорит о гражданине Каламы и в то же время *curator'e rei publicae [ci]vis et cur[ator] Kalamensium* (CIL, 5290).

В IV в. *curatores* встречаются уже во многих городах Нумидии и проконсульской Африки. Характерные черты института кураторов в этот период следующие: 1) Куратор только в редких случаях — постороннее муниципию лицо (в этих редких случаях он — сенатор). Правда, относительно Каламы может явиться сомнение: куратор там, с одной стороны, *vir clarissimus*, с другой — *omnibus honoribus functus* (CIL, 5356). Мы считаем, что в данном случае *curator* был уроженцем Каламы, а сенаторское звание он получил уже после того, как прошел все выборные должности в родном городе. 2) Куратор в большинстве случаев, особенно в Нумидии, *flamen perpetuus*¹. Это подчеркивает принадлежность его к данному муниципию, а если вспомним высказанные выше замечания относительно фламината, — это один из наиболее богатых декурионов, имущественное положение которого, может быть, и опытность в ведении своих дел служили гарантией исправного выполнения функций куратора *rei publicae*. Что *curatores* в это время вербовались из верхов муниципальной аристократии, видно из надписей, упоминающих о больших постройках, возведенных куратором на свой счет², или из надгробных надписей (например CIL, 1298 и др.). 3) Иногда куратор был и патроном города (CIL, 1181). Выбирая его патроном, *ordo*, однако, вряд ли руководствовалось теми мотивами, о которых говорит Фюстель де Куланж. Не одно лишь желание выразить благодарность за умелое ведение дел, но и стремление воспользоваться теми выгодами, какими сопровождалось избрание куратора, заставляло местный сенат выбирать того или иного куратора патроном. 4) Куратор — член *ordo*. В *albus ordinis* из *Thamugadi* (CIL, 2403) он занимает следующее за патроном место. Но это место особенное: он не равноправный член, а член, наделенный высшими по сравнению с прочими правами: в посвящениях IV в. *curator* и *ordo* упоминаются отдельно, причем в некоторых случаях *ordo* стоит на первом месте³, в других встречается обратный порядок⁴. Это дает возможность думать, что и в позднюю эпоху назначение куратора зависело от правителя провинций. Но он не был чиновником: это был «свой» для города человек, наделенный особыми полномочиями. В надписях той эпохи встречается часто упоминание, что постройка такого-то здания или постройка алтаря происходила по постановлению декурио-

¹ CIL, 962, 969, 1298, 5358, 1277, 5335, 828, 18229; Cagnat, Inscrip., 44.

² CIL, 1281, 962, 5335 и др.

³ Например, CIL, 779, 780 и др.

⁴ Например, Cagnat, Inscrip., 1273; CIL, 1281, 1636, 5337, 5347 и др.

нов или таким-то лицом на его счет или же на счет наместника провинций, и вместе с тем указывается, что *curante curatore rei publicae* (имя). Эта приписка, по нашему мнению, аналогична: *Saturnino et Gallo consulibus* или *Ampelii proconsulatu* (в Африке эта формула существовала в поздний период Римской империи¹), иными словами, обозначает, что обязанности *curator'a rei publicae* в это время выполнял тот-то, ибо предполагать, что постановка незатейливого алтаря происходила под непосредственным руководством и присмотром куратора, — невозможно.

Функции куратора тоже, очевидно, расширяются. В литературе о *curatores rei publicae* почти совсем неиспользованными остались документы, относящиеся к донатистскому движению, между тем в так называемых *Gesta apud Zenophilum* приводится отрывок: «*ex actis Munati Felicis flaminis perpetui, curatoris coloniae Cirtensium*»². Эти акты показывают, что куратору была поручена конфискация христианских священных книг. Марквардт отводит эти данные как нелепые (ук. соч., стр. 489). Другие авторы считают, что Феликс действовал в данном случае как *flamen perpetuus*. Последнее объяснение, по нашему мнению, лишено вероятности. Мы думаем, что *curator* действовал как представитель власти, а вместе с тем и член декурионата. Цирта с ее своеобразной системой муниципального управления не составляет исключения, *curator* выступает в той же роли и в других городах. В некоторых же местах конфискации книг поручается дуумвиру. Это происходило, вероятно, в тех случаях, когда в городе не было куратора.

Во времена Константина Великого *curator rei publicae* дает сведения о жизни епископа Феликса³. Наряду с ним дает показания и представитель *ordo* (*magistratus*). Эти данные антидонатистской литературы говорят о том, что *curator* происходил из того же города, где протекала его деятельность, что ко времени Диоклетиана или в ранний период его правления функции куратора значительно расширяются: очевидно, ему поручается надзор за всеми гражданами города. Во всяком случае, его роль и положение имеют мало общего с тем положением, какое занимал молодой сенатор, получивший полномочие урегулировать хозяйственную жизнь одного или нескольких муниципиев.

Умалало ли назначение куратора автономию города? Мы не думаем, чтобы и в раннюю эпоху империи, хотя бы в эпоху Флавиев, автономия городов была полной. Случаи вмешательства могли быть и тогда. Сохраняя самоуправление, свободные в выборах магистратов без нарушения общих основ городского самоуправления, признанного империей, города, конечно, уже не были вполне свободными городами-государствами ранней эпохи. Правительство ведь не давало каких-либо гарантий, ставящих предел его вмешательству во внутреннюю жизнь городов. Как известно, эпоха Антонинов характеризуется изменением политики по отношению к городам. Кураторы появляются как выражение «заботы» империи о городских финансах и городском хозяйстве муниципиев⁴. Но эту меру нельзя рассматривать как внезапный поворот в сторону «умаления» городских прав, чуть ли не замену городского самоуправления бюрократическим режимом. Относительно времени появления кураторов в про-

¹ Например, CIL, 2480—2481 и др.; 2243, 2387.

² CSEL, XXVI, стр. 186.

³ Optat, de Schisma (CSEL, XXVI, I, 27).

⁴ В науку задачу не входит характеристика этой политики. Лучшим источником является переписка Плиния и Траяна. Она же показывает, что города отнюдь не были предоставлены своей участи. Какие только вопросы не затрагивались императором и его легатом! Об этом см. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1950, стр. 483 сл.

винциях Африки нельзя сделать определенных заключений. Институт можно считать распространенным лишь к концу III в., когда характер его изменился.

Довольно редко встречаются *curatores rerum publicarum* в Мавретании. Там встречается институт, распространенный еще в Далматии. Патрон, а иногда и *flamen perpetuus* в некоторых городах называется *dispunctor*. Точное значение этого термина не выяснено. Обычным является мнение, что *dispunctor* — ревизор городской кассы. В Африке *dispunctores* встречаются только в мавретанских городах. Из 10 надписей, упоминающих *dispunctores*, датировано четыре. Самая ранняя дата — 290 год. Марквардт неправильно ставит *dispunctor*'а в ряд вместе со *scriba*, *tabularius* и т. п. (ук. соч., стр. 496). *Dispunctor* — одна из высших муниципальных должностей позднего периода мавретанской истории. *Dispunctor* в то же время патрон¹, иногда это — *omnibus honoribus perfunctus* (CIL, 9020), иногда — *curator rei publicae* (CIL, 9325, 9699). Встречаются надписи, где указаний на некоторые из этих функций нет². *Dispunctor*, по всей вероятности, избирался городским сенатом, а правительствами провинций на него возлагалось исполнение обязанностей *curator*'а *rei publicae*. Возникла эта должность, вероятно, в конце III в.

Мы заканчиваем этим характеристику некоторых институтов городского строя Римской Африки. Подводя итоги, мы можем сказать, что в эпоху империи в Африке встречаются лишь некоторые остатки городского самоуправления, отличного от обычного управления римского города.

Civitates iuris peregrini еще до начала нашей эры подверглись романизации. Романизация эта могла быть и мирной и насильственной. Во всяком случае, в ту эпоху, от которой дошли надписи, мы находим лишь некоторые намеки на исчезнувшие формы управления. Города неримского права отнюдь не стремились сохранить эти старые формы. *Civitas* и в глазах местного населения была рангом ниже муниципия, тем более, что сохранение этой формы городского самоуправления было связано с большим налоговым гнетом. Идет процесс нивелировки городского устройства. Однако этот процесс отнюдь не закончился в эпоху ранней империи. Его завершение следует относить к эпохе Септимия Севера.

Эволюция основных городских учреждений (городского сената и магистратур) не может быть прослежена, ибо надписи не позволяют судить о том, какое содержание вкладывалось в то или иное понятие в разные периоды. Зато могут быть установлены известные линии в развитии городского патроната, фламината, института *curatores rei publicae*. Мы не будем повторять всех деталей этой эволюции. Мы хотели бы поставить вопрос: что есть общего в истории этих институтов? Разные по своим целям и по своему происхождению, они развиваются в одном направлении и к концу III в. носят ясно выраженный литургический характер. Своими взносами обычные декурионы и магистраты не могли покрыть все увеличивающиеся городские расходы; приходилось расширять количество должностей и званий, обязывающих к определенным взносам, — в Африке, как увидим ниже, выработались определенные суммы взносов — *summa honoraria*. И патрон, когда-то очень далекий по социальному и сословному положению от города, и фламин, наиболее богатый городской житель, «служитель» нового и незнакомого ранее культа, и куратор, прежде чиновник, назначаемый императором; — несут повинности по «украшению» и содержанию города. Недаром *albus* из *Thamugadi* упоминает

¹ CIL, 9068; 9020; 9699.

² CIL, 9840; 9041; 21626.

13 патронов и 35 фламинов (CIL, 2403). *Curator* стоит во главе управления, но он как будто не контролирует городское хозяйство, а несет за него ответственность, пополняя из своих средств то, что не могло быть сделано за счет иных источников.

Таким образом, мы видим, что в самом начале развития городской жизни в Африке значительную роль играют крупные деятели Рима. Они избираются патронами городов, причем патроны, повидимому, в согласии со старыми римскими представлениями, играют совершенно определенную и реальную роль как представители и защитники своих клиентов. Весьма примечательно, что, как мы видели из патронатной таблицы из Баназы, в медленно развивавшейся Мавретании Тингитанской такие отношения надолго пережили соответственные явления в ранее развившихся частях Африки.

Постепенно патронами становятся местные крупные аристократы. Это не значит, что города стали окончательно независимыми; в конце концов, все более или менее важное зависело от императорского наместника, военного командира или даже прокуратора императорских имений.

Но видимость самостоятельности сохранялась и укреплялась. Такую же эволюцию, как должность патронов, претерпела и должность городских кураторов, которые вначале назначались императорами или их наместниками из посторонних лиц, а затем стали вербоваться из местной аристократии. Последняя все более тесно срастается с господствующим классом Римской империи и, наконец, становится неотделимой от него. Возникают семьи местной аристократии, члены которых играют ведущую роль в провинции. Яркий пример в этом отношении представляет семейство Горгилиев из Мавретании Цезарейской, которые занимали различные должности. Особенно известен из них Горгилий Марциал, крупный землевладелец, ученый агроном, командовавший в середине III в. отрядом местной милиции.

Такое выдвижение местной знати на важнейшие муниципальные должности по видимости свидетельствовало о расцвете местной муниципальной самостоятельности и, действительно, вначале сопровождалось интенсификацией городской жизни. Но постепенно эти ведущие семьи, экономически более сильные, вытесняли менее богатых городских землевладельцев. Они не только украшали города, но и требовали себе разорительных почестей. Недаром в Италии известен случай, когда население в городе Аусуга (CIL V, 5049) чуть не подняло бунт из-за «добровольных пожертвований» на статую патронессе города. Заведывание финансами города давало случаи к личному обогащению, к наложению самовольных податей, с чем неоднократно и, видимо, безуспешно боролись законодатели. Юридические и эпиграфические памятники упоминают и захват городских земель, служивших главным источником дохода города, и захват земель мелких людей крупными магнатами. Все это приводило сравнительно быстро к упадку городов, основывавшихся на мелком и среднем муниципальном землевладении. Центр тяжести постепенно перемещается из города в крупное поместье, экземпированный сальтус.

Изменения в положении патронов и кураторов подводят нас к пониманию того, как складывалась крупная местная аристократия.

